

Татьяна Романцова,
кандидат филологических наук,
главный научный сотрудник
Регионального центра русского
языка, фольклора и этнографии
Иркутской области

ОБИЖАТЬСЯ ЛИ ПОСЛЕДНЕМУ НА «КРАЙНЕГО»?

«НАКЛОН ВЛЕВО, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ. ВПРАВО, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ. ЕЩЕ ВЛЕВО, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ. И КРАЙНИЙ РАЗ! ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ», – РАЗНОСИТСЯ ПО ЗАЛУ ГРУППОВЫХ ПРОГРАММ ГРОМКИЙ ГОЛОС АННЫ, ТРЕНЕРА ПО ФИТНЕСУ. «НА КРАЙНЕЙ ПОЛОСЕ ГАЗЕТЫ – РЕКЛАМНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ», – СООБЩАЕТ НА СЕМИНАРЕ МАГИСТРАНТОВ ЖУРНАЛИСТКА КСЕНИЯ. ПРИ ЭТОМ «КРАЙНИЙ РАЗ» ЗВУЧИТ ДЛЯ МЕНЯ КАК ПРИГОВОР, А «КРАЙНЯЯ ПОЛОСА» ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ТРАГЕДИЙНОЙ ТОЧКОЙ В ИСТОРИИ НЕСЧАСТНОГО ИЗДАНИЯ.

Речь разнообразна так же, как пестра и многоцветна жизнь. Язык отражает все, что происходит вокруг, живо реагирует на запросы, помогает успешно решить сложные проблемы. Чтобы человек состоялся в профессии, был понят окружающими, построил счастливую личную жизнь, язык дает ему великолепную возможность пользоваться книжными и разговорными ресурсами. И тогда на парламентских заседаниях,

научных конференциях, публичных обсуждениях шедевров искусства мы используем книжную речь, допускающую пространные рассуждения, включение терминов, стандартные выражения, развернутые конструкции. А для общения в коридорах вуза, общественном транспорте, продуктовом магазине употребляем более «легкие», свободные фразы разговорной речи, рассчитанной на активную реакцию, живые реплики, эмо-

циональный отклик. Книжная и разговорная речь – два чистых потока единого русского литературного языка, которые обеспечивают нам речевое удобство и эстетический уют.

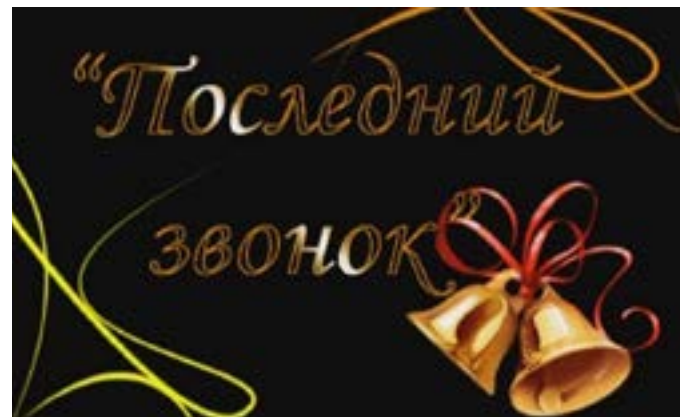
А когда нам становится некомфортно и неудобно? Когда в общении возникает задача, с которой довольно сложно справиться. Давайте решим одну из таких сложных языковых задач: правильно назовем предмет, завершающий череду себе подобных.

Образцовый книжный язык требует, чтобы, занимая за кем-то очередь, заканчивая периодические действия, исследуя финальный предмет в ряду похожих, мы использовали слово *последний*. Подтверждая обоснованность этого требования, специалисты по культуре речи приводят цитату из книги Л.В.

Успенского «Слово о словах», написанной в середине прошлого века: «Тысячи людей говорят: “Кто тут крайний?”, подойдя к очереди за газетами... Это словоупотребление не может быть признано правильным и литературным. У каждого ряда предметов по крайней мере два края, и слово “крайний” стало употребляться тут по нелепому недоразумению, ибо обычному слову “последний” в некоторых говорах народной речи придается неодобрительное значение – “плохой”, “никуда не годный”». Вторит Л.В. Успенскому известный историк языка профессор В.В. Колесов: «... спрашивая: «Кто последний?» – человек хочет узнать, по следу кого ему предстоит пройти... русское слово *последний* значит лишь то, что по времени он самый недавний (только что начал

очередь), а в пространстве – конечный в ряду других... Спрашивая: «Кто крайний?» – вы обижаете человека, потому что <...> как бы отстраняете его от очереди, уверяя его, что он «на краю», в стороне от ряда и потому вообще нарушает порядок. Тот, кто полагает, что слово *крайний* вежливее, чем *последний*, ошибается». Получается, что *последний*, с одной стороны, «самый незначительный из всех, очень плохой», с другой стороны, «недавний», «конечный в ряду». Откуда у одного и того же слова настолько разные толкования? В.В. Колесов рассказывает, что в определенный период развития языка столкнулись два похожих по форме, но разных по происхождению слова: русское *последний* в смысле «конечный по следу» и церковно-славян-

толковый словарь» разрешает называть *последнего крайним* только в разговорной речи. Итак, подведем итог смысловым раскопкам. В нужном значении в литературном языке могут быть употреблены оба слова. *Последний* – «солиднее» в этой паре, потому что может использоваться в любой компании, не портя речевой имидж говорящего, не «облегчая» и не упрощая ситуацию общения. А *крайний* хорошо себя чувствует в бытовой обстановке, когда отношения неофициальные, контакт тесный и раскрепощенный. Вспомним дружески-фамильярную фразу лирического героя А. Розенбаума: «Эй, товарищ, кто здесь крайний? Я хочу в авиалайнер!» Но откуда в устное бытовое общение пришло слово *крайний*? На каком основании оно стало рядом с образцовым *последним*? Обратимся к словарям, которые фиксируют устную речь определенной местности. В «Словаре русских говоров Приамурья» находим: «Край –ю, м. Конец. А я эту песню до края не знаю. Не всю песню знаю, только край». Интересно, что «Этимологический словарь славянских языков», описывая распространение древнего слова *край*, говорит, что в болгарском языке оно тоже имеет значение «конец». Таким образом, *крайний* в некоторых славянских языках и русских говорах по смыслу связан со словами «конец», «конечный». Возможно, слова *последний* и *крайний* рисуют разные образы одной и той же очереди. Если мы перемещаемся от последней позиции к первой, то стоящие впереди как будто растворяются, исчезают. Мы со временем уступаем место

ское *последний* в значении «окончательный», «плохой». Отсюда в современном словаре два абсолютно разных значения у одной и той же единицы, и, как следствие, разный выбор этикетных фраз в одних и тех же условиях. Теперь определим, почему последний в очереди не должен становиться крайним, если мы заботимся о чистоте речи. Из семи толкований многозначного слова *последний* к нашей ситуации одно подходит идеально – «конечный в ряду однородных явлений, предметов; такой, за которым не следует, не ожидается что-л. подобное: последний звонок». Из четырех толкований слова *крайний* одно отвечает ситуации приблизительно – «наиболее отдаленный, последний, конечный: *крайняя точка побережья*». Именно это значение «с натяжкой» позволяет употребить этикетную фразу «Кто крайний?» применительно к *последнему* в очереди. Почему «с натяжкой»? Потому что «Большой

следующему, и шеренга перестает для нас существовать. Если ищем место в конце, то знаем: где-то всегда есть начало. Наверняка помните, что иногда нам велят искать свое место в «хвосте» очереди, а не в «голове». Тогда цепочка как будто закрепляется в пространстве, остается на том же месте и после нашего ухода. Вот и получается, что предмет один – очередь, а представления о нем немного разные: динамичное и статичное, математически четкое и образно-художественное. Разрешая выбрать одну этикетную фразу из двух, язык демонстрирует нам полное доверие, дает право самим творить образы и создавать атмосферу общения с собеседником. Поэтому в стандартной городской коммуникации, когда мало знакомые люди должны быть подчеркнуто вежливы друг с другом, звучит вопрос «Кто последний?» В ситуации, предполагающей обыденный контакт или общение между лицами, не обремененными глубоким знанием речевого этикета, вполне допустим оборот «Кто крайний?» Значит, последнему, если его назовут крайним, абсолютно не стоит ни на кого обижаться. Думаете, мы с вами просто решили речевую задачу? Нет, мы явились свидетелями удивительного процесса – естественного движения слов внутри живого русского языка. Еще в середине 60-х годов XX века академик В.В. Виноградов сетовал: «...к границам

разговорно-литературной речи приблизились слова и обороты областного или грубого просторечия... «крайний» вместо «последний»». А сегодня эта когда-то областная единица вошла в разговорный арсенал литературного языка. Что же способствовало такому внутреннему подъему, изменению статуса, повышению стилистической планки слова *крайний*? В какой-то мере, конечно, снижение культурно-речевого уровня пользователей языка, нежелание изучать и сохранять языковые традиции. В какой-то мере, возрастающая активность единицы *крайний* в профессиональной речи с ее героико-романтическим и мистическим ореолом. При чем тут героизм, а тем более мистика? Все очень просто. Авторы словарей русского жаргона, опираясь на результаты исследований профессиональной речи, отмечают, что употребления слова *последний* в значении «тот, за которым ничего не следует, не ожидается», избегают летчики и космонавты, водолазы и парашютисты, альпинисты и десантники, спортсмены и шоферы-дальнобойщики, пожарные и артисты цирка, моряки и шахтеры, т.е. представители профессий, связанных с риском для жизни. Видимо, оттого что список этих профессий довольно велик, выражение *крайний раз* и подобные ему стремятся войти в широкое обращение. Но внимание! Мы говорим о

профессионально замкнутой речи, на которую нормы литературного языка не распространяются. Следовательно, фитнес-инструктор может называть подход к упражнению крайним, находясь исключительно среди профессионалов, а никак не на групповых занятиях для любителей. Откуда крайняя полоса появилась в речи начинающей журналистки, не бывавшей в «горячих точках», – и самой магистрантке не известно. Возможно, к ошибке привело подражательство, следование речевой моде, стремление чем-то отличиться от других выступающих. Однако есть тысячи способов проявить индивидуальность, используя ресурсы литературного языка, применяя яркие выразительные средства и эффективные риторические приемы. Кто-то из пилотов и стюардесс «ИрАэро» наверняка делится в коллективе впечатлениями о крайнем рейсе, но, общаясь с последним пассажиром, входящим по трапу в салон самолета, или предлагая вам место в последнем ряду кресел, они обязательно будут следовать нормам образцового литературного языка.